

5. К 2020 году Россия потеряет 5,5 млн рабочих рук. 29 ноябрия 2012 – Режим доступа: <http://news.mail.ru/economics/11124728/?frommail=1,svobodnyy>. – Заглавие с экрана. – Yaz. rus.
6. Magomedov A. K. Bolshoy Kaspiy. Energeticheskaya geopolitika i tranzitnye voyny na etapakh postkommunizma / A. K. Magomedov, R. N. Nikerov. – Ulyanovsk : UIGTU, 2010.
7. Magomedov A. K. Ot Bolshogo Kaspiya do Sakhalina. Kharakter i rubezhi borby za energoresursy Severnoy Yevrazii na etapakh postkommunizma / A. K. Magomedov, R. N. Nikerov. – Ulyanovsk : UIGU, 2011. – 351 s.
8. Matishov G. G. Atlas sotsialno-politicheskikh problem ugroz i riskov Yuga Rossii : v 3 t. / G. G. Matishov, V. A. Avksentev, L. V. Batiev. – Rostov n/D : YuNTs RAN, 2008. – T. 3. – 176 s.
9. Ruban L. S. Kaspiy – More problem / L. S. Ruban. – M. : Nauka. – 2003. – S. 9–10.
10. Sushchiy S. Ya. Severnyy Kavkaz: Realii, problemy, perspektivy pervoy treti XXI veka / S. Ya. Sushchiy. – M. : Lenand, 2013. – 432 s.
11. Usmanov R. Kh. Geopolitika Kaspiyskogo regiona v kontekste regionalnykh migratsionnykh problem i etnopoliticheskikh konfliktov na Yuge Rossii / R. Kh. Usmanov // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. – 2010. – № 2 (10). – S. 17–26.
12. Usmanov R. Kh. Puti i vektor razvitiya regionalnykh etnopoliticheskikh elit v sovremennom rossiyskom obshchestve / R. Kh. Usmanov, N. M. Tazhiev. – M. : TsIUMiNL, 2012. – 214 s.
13. Usmanov R. Kh. Rol truboprovodnykh proektov i etnopoliticheskikh konfliktov v formirovaniy geopoliticheskoy kartiny Kavkazskogo-Kaspiyskogo regiona : mat-ly kruglogo stola / R. Kh. Usmanov // Vlast. – 2011. – № 10. – S. 169–176.
14. YuFO umenshilsya na sem regionov Severnogo Kavkaza // Komsomolets Kaspiya. – 22 yanvarya 2010 g. – № 6 (6547).
15. Cohen A. U. S. Interests in Central Asia and the Caucasus: Challenges Ahead / A. U. S. Cohen // Institute for Central Asian and Caucasian Studies. – Режим доступа: <http://www.cac.org/journal/eng-02-2000/02.cohen.shtml,svobodnyy>. – Заглавие с экрана. – Yaz. angl.
16. Free Movement of Workers and Labour Market Adjustment : inform. servis OESR. Berlinskiy Tsentr OESR – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264177185-en,svodnyy>. – Заглавие с экрана. – Yaz. angl. (data obrashcheniya 23 avgusta 2012).
17. Nation C. R. Russia, the United States and the Caucasus / C. R. Nation // US Army War College, The Strategic Studies Institute. – Washington D.C., February, 2007. – 47 p.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА¹

Баева Людмила Владимировна, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
e-mail: baevaludmila@mail.ru

Целью данного исследования является выявление комплекса факторов, способствующих формированию интолерантных и экстремистских настроений в молодежной среде. Автором предлагается анализ основных форм экстремизма, выявление их сущности и специфики. К внешним факторам формирования экстремизма автором относятся военно-политический, экономический, социокультурный, в то время как к внутренним – психологический, образовательный, возрастной и др. Эти факторы рассматриваются в контексте современной ситуации в России, которая нередко представляется в форме фальсификаций со стороны различных политических сил.

Ключевые слова: экстремизм, интолерантность, молодежь, агрессия, ксенофобия, фальсификация, субкультуры

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 2012-1.1-12-000-3001-057 «Фальсификация политической истории: от достоверности идеологической к достоверности научной»).

FACTORS OF FORM EXTREMISM

Baeva Lyudmila V., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russia
e-mail: baevaludmila@mail.ru

The aim of this investigation is explore of complex of factors of forms intolerance and extremism in youth movement. The authors investigate main types of extremism, internal and external factors of forming of this one, such us war-politic, economic, social-cultural, psychological, educational and generational. The author analyzes these factors in a context of a modern situation in Russia which quite often is represented in the form of falsifications from various political forces.

Keywords: extremism, intolerance, youth, aggression, xenophobia, falsification, subcultures

Проблема национальной и гражданской безопасности в современном российском обществе тесно связана с противостоянием экстремизму в различных формах его проявления. Экстремизм сегодня все более грозно заявляет о себе, нарушая важнейшие права человека: на жизнь, свободу, безопасность. Он становится одной из важнейших проблем современного мира, что вызывает особые опасения в век высоких военных технологий, когда личность становится способной направить весь арсенал современных достижений науки для решения собственных целей и задач. Что же вызывает проявления экстремизма, в чем причины формирования феномена? Эти вопросы вызывают рост исследовательского интереса к этой чрезвычайно актуальной теме, анализ которых необходимо начать с понятия самого экстремизма.

Экстремизм является крайней формой интолерантности, соединенной с агрессией и насилием как методами выражения непримиримости к Другому. Под экстремизмом (от фр. *extremisme*, от лат. *Extremus* – крайний) понимают идеологию, позволяющую и пропагандирующую крайние, зачастую насильственные меры отстаивания своих взглядов, непримиримость и агрессию в отношении инакомыслящих. Идеологической и теоретической основой экстремизма являются радикальные идеологические концепции, религиозный фундаментализм, национализм. Лидеры экстремистских, по типу объединений, как правило, требуют от своих сторонников полного повиновения и беспрекословного выполнения любых приказов, то есть тяготеют к авторитарности. Это, как правило, основано на манипуляции общественным сознанием, использовании особенностей коллективной психологии, в том числе, апеллировании примитивным инстинктам толпы, чувствами, верованиями, предрассудками людей. Экстремизм тесно связан с радикализмом, поэтому оба эти термина часто употребляют как синонимы. В то же время необходимо различать разновидности форм экстремизма. К ним, по нашему мнению, могут быть отнесены следующие. *Политический экстремизм* – крайние взгляды на политическую систему общества, пропаганда насильственных или агрессивных (основанных на подчинении силе) способов установления отстаиваемой формы власти, вплоть до политического террора. *Националистический экстремизм* – непримиримость, нетерпимость, радикализм в отношении представителей иной народности, национальности, этнической группы; агрессия, в крайних формах – терроризм в отношении людей иной этнической группы. *Религиозный экстремизм* – жесткое неприятие идей другой религиозной конфессии, агрессивное отношение и поведение к иноверцам, пропаганда незыблемости, «истинности» одного вероучения; стремление к искоренению и устранению представителей иной веры вплоть до физического истребления (что получает теологическое обоснование и оправдание). *Подростково-молодежный экстремизм* – радикализм, непримиримость, бескомпромиссность во взглядах и поведении молодых людей, готовых на насильственные меры для достижения собственных целей [1].

При этом экстремизм может рассматриваться как идеология и как метод. Как идеология экстремизм представляет собой обоснование идеи о том, что только ради-

кальные, насильственные, в том числе и террористические действия способны разрешить социальные проблемы. Составной частью идеологии экстремизма нередко выступает теория избранности тех или иных народов (политических сил, субкультур) и неполноценность всех остальных. В этом случае экстремизм перерастает в расизм, шовинизм, апартеид, нацизм, религиозный фундаментализм и др. крайние формы отношения к представителям иного мировоззрения, этноса, расы. Экстремистские методы могут сопутствовать различным по содержанию учениям, политическим программам. Они предполагают для реализации своих целей возможность и необходимость применения насилия, даже если оно выходит за рамки «правового поля». Экстремистские методы могут сопутствовать и вполне легальным теориям и проявляться в деятельности партий, движений, воспринимающих себя как «борцов» за свободу, изменении (сохранение) политического строя и т.д. Коммунистические, державно-патриотические, националистические движения выступают ярким тому примером. Другим вариантом использования подобных методов выступают даже проправительственные движения, которые в борьбе с фашиствующими организациями, а также «оранжевыми», оппозиционными готовы использовать крайние способы.

Среди различных факторов, способствующих развитию экстремизма можно выделить внутренние (индивидуальные психологические, интеллектуальные и иные) и внешние (политические, экономические, этнокультурные и др.), на которых мы и остановимся более подробно.

Внутренние факторы формирования экстремистских идей. Причина и источник экстремизма, как общей идеологии крайней непримиримости к инакомыслящим, во многом кроется в интеллектуальной и нравственной ограниченности личности, отстаивающей подобные взгляды. Интеллектуальная ограниченность рождает ощущение того, что только Я являюсь обладателем абсолютной истины, которая видится закрытой и окончательной (по формуле: «Есть два мнения: мое и неправильное»). Чем выше человек поднимается в познании, тем более явно он осознает неисчерпаемость мира и форм знаний о нем, тем терпимей он относится к иным точкам зрения, взглядам оппонентов и критиков. Высокоразвитый интеллектуально человек склонен к рефлексии, самокритике, анализу «плюсов» и «минусов» предмета внимания. Безапелляционные заявления, нетерпимость к критике, нежелание выслушать и неспособность понять оппонента – признаки человека, привыкшего подчиняться не разуму, а силе, природным инстинктам выживания. С этих позиций, все «иное» расценивается как угроза своему существованию, доминированию и требует устранения по принципу естественного отбора. Моральная ограниченность, в свою очередь, также способствует утверждению в человеке гордыни и самооправдания за любые действия. Низко развитый нравственно человек, как правило, всегда доволен собой и видит недостатки исключительно в других. Он привык винить всех за свои неудачи, а недостаток творческих и интеллектуальных способностей компенсирует грубостью, агрессивными выпадами, угрозами, применением насилия.

Важнейшей причиной экстремистского, интолерантного, агрессивного отношения выступает психологический барьер «Свой – Чужой», страх перед непохожим на себя. Формирование установки на агрессию по отношению к Другому происходит в том случае, если человек привык некритично относиться к своим взглядам и поступкам, и считает себя несравнимо выше других. Можно выделить две особенности психики человека, которые служат почвой для образования подобных установок. Первая особенность состоит в том, что люди, похожие на нас, кажутся нам привлекательнее и безопаснее тех, кто от нас отличается. Принадлежность к какой-то группе людей придает человеку чувство уверенности и собственной значимости. Объединяться люди могут в принципе вокруг любой идеи, даже самой абсурдной. В этом случае «Другие» и «не такие» тоже нужны, но чтобы сильнее почувствовать принадлежность к «своим». По словам авторов «Анти-Эдипа» Ж. Делёза и Ф. Гваттари, источником расовых предубеждений являются «сегрегационные» проекции из бессознательного – именно они задают «ощущение, что «хорошо быть из наших», входить в высшую

расу, которой грозят внешние враги» [2, с. 166]. Бессознательные влечения и фобии, полагают теоретики шизоанализа, инвестируют революционные и националистические потенции, экстраполируясь на историю и политику: «Бред имеет как бы два полюса – расистский и расовый, параноидно-сегрегационный и шизо-кочевой» [2, с. 168]. Желание насилия и господства – результат разорванности личности с внешним миром, «своими», которые в лице семьи или близкого окружения находились в состоянии конфликта или отчуждения.

Вторая особенность заключается в том, что некоторые люди, сознательно или бессознательно, перекладывают ответственность за свою жизнь на кого-то другого («Во всем виноваты евреи, негры, богатые, «враги народа» и т.д.). Психологически это срабатывает как способ защиты и самооправдания от собственных неудач. Если это состояние дополняется социально-психологической неустойчивостью, то проявления нетерпимости, агрессии, ксенофобии вплоть до экстремизма могут развиваться в еще более явной степени.

В то же время значительное число специалистов, полагают, что история цивилизации развивается только благодаря фактору борьбы, конфликта социальных групп, что объясняет интолерантное поведение как вполне естественное, даже косвенно сопутствующее прогрессу. Наиболее обстоятельно теорию социальных антагонизмов (непримиримых противоречий), как известно, разработали классики марксизма. Несмотря на уход концепции классовой борьбы из отечественной научной литературы, ее традиции во многом продолжили теоретики новой области знания – конфликтологии. Так, по мнению А. Асмолова, «дискурс конфликта, как это ни грустно, является главным конструктом сознания XX века» [3]. И если в советский период фактор социального конфликта практически замалчивался, то в постсоветской науке, напротив, проблемы конкурентной борьбы, агрессии, девиантности оказались чрезвычайно актуальными.

Психологи, со своей стороны, тоже подтверждают, что негативные стереотипы и быстрее усваиваются, и труднее поддаются изменениям. Получается, что на психологическом уровне агрессия, интолерантность более проста и доступна для понимания, чем миролюбивое отношение, толерантность. Английский философ П. Николсон считает, что всякое толерантное отношение с необходимостью включает примирение с некоторым отклонением. Причем субъект должен морально не соглашаться со значимым для него отклонением. Если удастся примириться с отклонением, то необходимо, с одной стороны, с чем-то расстаться (например, с желанием оскорбить, подавить или вытеснить кого-то) и в то же время, с другой – сохранить приверженность своим собственным убеждениям. Вот эта борьба между приверженностью собственным взглядам и признанием позиции и убеждений других определяет толерантность как внутренне напряженную категорию, более сложную для понимания по сравнению с интолерантностью. Этот механизм также показывает, что стремление сменить парадигму конфликта на парадигму толерантности ни в коей мере не означает призыва к благодушию и лицемерному компромиссу.

В исследовании российского политолога Э. Паина соотношение ксенофобии и экстремизма раскрывается следующим образом. Экстремизм и ксенофобия (или фобии) связаны между собой, но имеют существенные различия. Под ксенофобией (иногда говорят ксенофобиями) обычно понимаются различные проявления интолерантности по отношению к группам, которые воспринимаются массовым сознанием как «чужие». Сам термин ксенофобия как раз и означает страхи, настороженность и недоброжелательство (т.е. фобии) к чему-либо чуждому для человека. Частным случаем ксенофобии является этнофобия (или этнофобии) – страхи, направленные как против конкретных этнических общностей, так и против некоего слабо дифференцированного в массовом сознании конгломерата «чужих» народов («кавказцев», «южан», «инородцев»). Ксенофобия, отмечает Э. Паин, это одна из черт массового сознания, которая носит преимущественно стихийный характер, даже и в тех случаях, когда развивается под воздействием целенаправленных информационно-пропагандистских усилий, тогда как экстремизм – это более или менее оформленная

идеология и целенаправленная деятельность организованных групп, реже отдельных лиц. Ксенофобия выступает важнейшим источником экстремизма в нескольких отношениях: во-первых, из носителей ксенофобии формируются экстремистские организации; во-вторых, стереотипы ксенофобии чаще всего служат источником для экстремистских идей. Особенно важно учитывать, что ксенофобия является одним из «конечных продуктов», результатов экстремизма, поскольку она и есть выражение той самой розни, на разжигание которой направлена деятельность экстремистских сил. И, наконец, именно ксенофобия больше всего ограничивает возможности всех форм противодействия экстремизму, поскольку массовые стереотипы ксенофобии, обладают внутренней инерцией и могут существовать какое-то время даже и без пропагандистского воздействия экстремистских сил [4, с.19].

Согласимся, что ксенофобия сопровождает формирование экстремизма (служит его психологическим бессознательным основанием и становится результатом экстремистских действий, порождая новые страхи и ненависть). Отметим, что наибольшую латентную опасность имеют этнический и молодежный виды ксенофобии. Фактор фобии перед другим этносом кроется в инстинктивном стремлении к самосохранению собственного вида, рода. В варианте молодежной агрессии, ксенофобия во многом связана с кризисом формирования взрослой личности, нуждающейся в поиске идентичности, с проблемами переходного возраста, когда человеку свойственны бескомпромиссность, категоричность, самоутверждение.

Что касается конфликтов молодёжных субкультур, то они имеют свою специфику. Любая молодёжная субкультура имеет собственные правила, неписанные традиции, ценности, стереотипы поведения в определенных ситуациях, причем каждая субкультура считает свою идеологию наиболее правильной. Основное отличие конфликтов молодёжных субкультур от конфликтов, происходящих в среде взрослых людей в том, что старшее поколение способно более терпимо и корректно относиться к мнению оппонентов или, по крайней мере, только лишь вербально реагировать на выявление каких-либо явных противоречий или различий во взглядах (полемицировать и искать компромисс). Молодёжь же более эмоционально реагирует на подобные проявления «непохожести» кого-либо непосредственно на свою социальную группу и всеми силами старается это изменить, но, наталкиваясь на противостояние и нежелание противоположной стороны подчиниться, пытается, опять же благодаря юношескому эгоцентризму, решить подобную проблему физической силой. Именно из подобных ситуаций вытекают молодёжные конфликты, межгрупповые «выяснения отношений», определение правых, неправых, виновных и пострадавших.

С 1980-х гг. в СССР хлынула волна «неформалов», которые сразу же начали борьбу друг с другом. Агрессивный характер панков, скинхедов невольно способствовал экстраполяции негативного отношения общества к ним на все иные субкультурные движения. Скинхеды обрели статус «фашистов» в лице рэперов, хипхоперов, позже готов и эмо. Рэперы вели борьбу (часто – территориальную) с рейверами, отмечая свои зоны обитания с помощью граффити. Панки постепенно перешли от социального протеста против «системы» к распаду на отдельные течения, наиболее заметным из которых стали готы (а затем их вариация – киберготы). Все это сопровождалось обвинениями в отходе от первоначальных истоков, порождая конфликты и взаимную агрессию. Главной тенденцией современных субкультур является не поиски стиля, а установление подлинности, истинности, близости к так называемым «true». Выяснение «истинный» – «не истинный» занимает сегодня подавляющее большинство представителей субкультур. Так что помимо конфликтов между объединениями имеют место и внутренние разногласия, которые решаются с присущей подросткам агрессивностью.

Однако кроме внутренних, субъективных факторов формирования экстремистских настроений молодежи (психологического, общекультурного, интеллектуального, нравственного), следует назвать и внешние, объективные.

Внешние факторы формирования экстремизма. Важнейшим внешним фактором роста экстремизма особенно в современном обществе является политический. Это признают многие исследователи, уточняя, что проблема интолерантности, ксенофобии непосредственно порождается такими явлениями, как социальный волонтаризм, тоталитаризм, диктатура. Изучением этого вопроса занимались, в частности, представители Франкфуртской школы философии. Так, теория толерантности как личностного начала была рассмотрена в концепции «авторитарной личности» Т. Адорно [5], а также связанных с ней теории «волков» и «овец» Э. Фромма, исследовании предрассудков М. Хоркхаймером, подходе М. Рокича к догматизму, концепции «одномерного человека» Г. Маркузе. В работах данного направления, в частности, была показана связь авторитарности с «интолерантностью к неопределенности», которая может служить важным индикатором нетерпимости на личностном уровне. Представляет также высокий интерес и разработанный в этой традиции богатый арсенал диагностики «авторитарного потенциала» – шкала антисемитизма, шкала этноцентризма, шкала фашизма и др., – который часто применяется для диагностики толерантности.

Следует признать, что тоталитаризм неизбежно порождает свое продолжение – экстремизм, предполагает усиление, эскалацию насилия, умножение его в форме агрессии. Однако надо заметить, что в России экстремизм становится наиболее активным не в эпоху тоталитаризма, а в период демократизации. Как можно объяснить это противоречие? Или тезис неофрейдистов был столь бесспорным? Мы полагаем, что главным фактором, вызывающим рост экстремизма становится негарантированность прав граждан на защиту их интересов, отсутствие демократических законов, их исполнение, что в постперестроечной России сопутствовало провозглашению формальной свободы. Анархия и правовая незащищенность всегда вызывали политический и социальный вандализм, грабеж, мародерство. В России в начале 1990-х гг. возникает вариант создания криминального государства, а переходный период оказывается связан с борьбой за сферы влияния. Монополизация рынка происходит параллельно с захватом социального пространства, лучших «мест под солнцем». Криминальные «разборки» оказываются атрибутом создания первоначального капитала. Эти процессы усиливаются с началом Кавказских войн. Вернувшиеся из армии молодые люди, пережившие войну, плохо адаптируются к мирной жизни, где управляют благополучные образованные новые буржуа, одетые в атрибут «нового русского» в «малиновые пиджаки». Начинаются поиски атаки на новое буржуазное общество, в котором они оказались за бортом, в стадии люмпенов или даже маргиналов (ярким примером выражения этих проблем стал любимый фильм-диалогия, культовый для целого поколения молодежи, «Брат» и «Брат-2» А. Балабанова).

Война в Чечне, как известно, нанесла немалый ущерб национальной политике в России, создала предпосылки для того, чтобы представители коренных кавказских этносов стали восприниматься в образе жестоких исламских фундаменталистов-фанатиков – врагов христианского населения. В этих условиях молодые люди, подталкиваемые определенными политическими силами, находят врага, виновного во всех бедах в выходцах с Кавказа, проживающих в городах России и её столице. Этот конфликт, вызревавший многие годы, породил как теракты против славянского народа, так и нацизм, русский шовинизм, даже фашизм и ксенофобию по отношению к неславянским народам. Следствия этого Россия увидела в декабре 2010 г. в Москве на Манежной площади.

Экономический фактор также не следует недооценивать. Уровень жизни в России в постсоветский период серьезно снизился и сравнялся со слаборазвитыми странами. При этом усилилась поляризация, пропасть между богатым и бедным населением. В первую очередь это ощутила молодёжь, которая «хотела перемен», а получила отсутствие достойной работы, хронические кризисы, нестабильность. С 2009 г. эту ситуацию дополнил мировой финансовый кризис, который больно ударил и по молодёжи, пополнившей ряды безработных. Молодые люди остаются невостребованными даже в собственных городах, и поэтому их раздражает появление большого

числа мигрантов, готовых работать за меньшие деньги, которые расцениваются как конкуренты на столь необходимые рабочие места. Следует заметить, что и часть приезжих, не желая или не имея возможности трудиться в рамках закона, пополняет собой ряды криминального сообщества. Они создают этнические преступные группировки, занимаются кражами, грабежами, совершают избиения, насилия, убийства и, по большей части, в отношении коренного населения, зачастую по жестокости и дерзости, оставляя местные криминальные образования далеко позади. Не последнее место здесь занимают и террористические акты, совершаемые религиозными фанатиками в различных городах России. Это вызывает естественную негативную реакцию населения. Негативное общественное мнение в отношении таких фактов также является питательной средой для возникновения молодежного экстремизма.

Советская система, как известно, характеризовалась идеологически сформулированной и реализуемой на практике молодежной политикой. После распада СССР, краха КПСС и ВЛКСМ, пионерской и октябрятской организаций в России долгое время не возникало их аналогов. Однако шло активное формирование неформальных субкультур, в том числе и экстремистских, которые использовали сложившийся вакуум для пополнения своих рядов. Например, современные неонацистские объединения помимо обычных вербовки, стремятся привлекать молодёжь и подростков, в том числе и возможностью бесплатных занятий в своих спортивных секциях и военизированных клубах, где обучают самообороне и нападению на противника. При этом молодёжь, помимо спортивных навыков, получает там мощную идеологическую обработку в духе крайнего национализма и становится потенциальной силой для экстремистки настроенных политических игроков.

В значительной степени, причины роста экстремизма в современном обществе во многом связаны с деградацией морального сознания молодежи, ухудшением качества образования, снижением политической и правовой свободы (при декларировании успешности действий по всем названным направлениям) на фоне усилившейся миграции народов из слабо развитых экономически республик и округов в центры России. Отсутствие системы нравственного и духовного воспитания в учебных заведениях, культ силы и сильной личности, пропагандируемый обществом стихийного рынка, свобода в её низшем проявлении (реклама эгоцентризма, примитивного гедонизма), политическая и правовая неграмотность – становятся факторами во многом влияющими на появление новых молодёжных экстремистских объединений, рост ксенофобии, агрессии, насилия, хулиганства, преступности на религиозной, национальной, политической почве.

В постсоветский период в России поднимается волна экстремистских организаций и субкультур. По неофициальным данным в РФ в настоящее время действует 250 так называемых экстремистских организаций в 85 городах страны. По официальным данным, рост преступлений экстремистского характера среди молодежи с 2004 г. увеличился в 5 раз (При этом официальные данные всегда оказываются значительно отличающимися от неофициальных источников, что создает почву для недооценки этого фактора). Это приверженцы идей неонацизма, национал-большевизма, религиозного фундаментализма и пр. Их действия имеют разные проявления от драк и погромов на рынках до демонстраций под социально-политическими лозунгами. Этнополитический молодежный экстремизм – качественно иной феномен, результат использования агрессии подростков политическими партиями и силами. За националистическими и профашистскими настроениями в современной России стоят великодержавные настроения, популярные не одно десятилетие. Политические лозунги, борьба за расовое превосходство, планомерные акции, масштабная информационная сеть (и политика), агрессивная деятельность – все это отличает экстремизм националистического толка. Отличительной чертой современного экстремизма является использование, эксплуатация патриотических настроений общества (молодежи) для решения политических, экономических и иных задач. Ему свойственны наиболее популистские лозунги, упрощенные формулы, использование наиболее простых и

мощных природных инстинктивных потребностей в самосохранении и утверждении; идея наведения порядка, восстановления былого могущества Нации на фоне духовного и ценностного кризиса, отсутствия национальной идеи; форма борьбы с глобализацией и миграцией; использование информационной войны и сетевых ресурсов. Одной из ярких черт современного экстремизма в России является его этнополитическая окрашенность и бинарность (противостояние двух активных форм национализма). Это проявляется не только на Юге страны, но в каждом крупном мегаполисе, где после распада СНГ, Кавказских войн конца XX – начала XXI в. произошел «исход» народов из неблагоприятных мест жизни в регионы с высоким уровнем жизни и наличием рынка труда. Глобальная компьютерная Сеть открывает для экстремистов новые возможности и дает ощутимые преимущества по сравнению с традиционной деятельностью в таких сферах, как: пропаганда своей политической платформы; координация акций и мероприятий своего движения с помощью Интернет; демонстрация собственной активности в Сети и др. При этом создаются небывалые возможности для фальсификации тех или иных сведений об экстремистских организациях и их активности.

Итак, проблема экстремизма оказывается тесно связанной как с внешними, так и с внутренними факторами. Политическая нестабильность, усиленная экономическими проблемами, подкрепляет несовершенством и неисполнимостью законодательства. В результате складываются условия, влияющие на усиление деструктивных, насильственных действий особенно среди молодежи. Направления противодействия интолерантности и экстремизму сегодня должны включать такие аспекты, как: формирование гражданственности и толерантности через систему среднего и высшего образования; активная позиция по отношению к фашистским организациям; регулирование миграции и ее последствий; гарантированность прав человека; трудоустройство молодежи и ее нравственное воспитание.

Список литературы

1. Баева Л. В. Экстремизм: природа и формы проявления / Л. В. Баева // Каспийский регион: экономика, политика, культура. – 2008. – № 3. – С. 21–26.
2. Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – С. 166, 168.
3. Асмолов А. Г. Толерантность как культура XXI века / А. Г. Асмолов // Толерантность: объединяем усилия. – М. : Летний Сад, 2002.
4. Паин Э. Этнополитический экстремизм в России: социально-культурные истоки и причины неэффективности принимаемых мер противодействия / Э. Паин // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004 / под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. – М. : УОП ИЭА РАН, 2005. – С. 19–30.
5. Адорно Т. Исследования авторитарной личности : пер. с нем. / Т. Адорно ; пер. М. Н. Попова. – М. : Серебряные нити, 2001. – 480 с.

References

1. Baeva L. V. Ekstremizm: priroda i formy proyavleniya / L. V. Baeva // Kaspiyskiy region: ekonomika, politika, kultura. – 2008. – № 3. – S. 21–26.
2. Delez Zh. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya / Zh. Delez, F. Gvattari. – Yekaterinburg : U-Faktorya, 2007. – S. 166, 168.
3. Asmolov A. G. Tolerantnost kak kultura XXI veka / A. G. Asmolov // Tolerantnost: obedinyaem usiliya. – M. : Letniy Sad, 2002.
4. Pain E. Etnopoliticheskiy ekstremizm v Rossii: sotsialno-kulturnye istoki i prichiny neeffektivnosti prinimaemykh mer protivodeystviya / E. Pain // Etnicheskaya situatsiya i konflikty v gosudarstvakh SNG i Baltii. Yezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov, 2004 / pod red. V. Tishkova i Ye. Filippovoy. – M. : UOP IEA RAN, 2005. – S. 19–30.
5. Adorno T. Issledovaniya avtoritarnoy lichnosti : per. s. nem. / T. Adorno ; per. M. N. Popova. – M. : Serebryanye niti, 2001. – 480 s.